

УДК 908:910(1-924.71):929СИМПСОН

**ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЫМ: ВТОРОЙ ВЗГЛЯД НА КРЫМ
ХУДОЖНИКА УИЛЬЯМА СИМПСОНА (1869 Г.).
ДРЕВНОСТИ ИНКЕРМАНА И ХЕРСОНЕСА**

Прохорова Т. А.

**ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник Херсонес Таврический»,
г. Севастополь, Российская Федерация
e-mail: grejprut@mail.ru**

Рассматриваются отдельные страницы из жизни шотландского художника, рисовальщика, баталиста Уильяма Симпсона (1823–1899), связанные с его пребыванием в Крыму. На полуострове он побывал дважды – в разгар Крымской военной кампании (1854–1856 гг.) и 13 лет спустя, в 1869 г. Подробно описаны детали второй экспедиции Уильяма Симпсона в Крым, которая состоялась в апреле 1869 г. Ход и маршрут поездки восстановлены на основе сделанных художником рисунков с изображениями жителей, городов и ландшафтов Крыма и заметок, опубликованных на страницах лондонского издания «Illustrated London News» с 22 мая по 24 июля 1869 г. Особое внимание уделено заметкам о памятниках древней истории в Инкермане и древнем Херсонесе-Херсоне. В ходе работы над данной статьей был выполнен перевод заметок Симпсона о путешествии в Крым, опубликованных в «Illustrated London News», и отрывок из его «Автобиографии», что позволяет расширить источниковую базу по истории полуострова.

Ключевые слова: путешествие, Крымская война, древности, святые места, Инкерман, Херсонес, У. Симпсон.

В 1869 г. заметки о Крыме вновь оказались на страницах отдельных британских газет [64]. Поводом к тому стал высочайший визит в Крым принца и принцессы Уэльских в апреле 1869 г. Тогда же во второй раз – через 15 лет после начала Восточной (Крымской) войны – в Крым прибыл художник Уильям Симпсон, имевший на тот момент многолетний опыт натурных зарисовок и прославившийся своими рисунками с мест военных событий. Больше чем военный художник, Симпсон сопровождал принца Уэльского в его восточной поездке.

Имя Уильяма Симпсона хорошо известно во всем мире в связи с событиями Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.). Изучение этого военного конфликта остается одним из наиболее важных направлений историко-краеведческих и геополитических штудий современной крымской историографии [10; 15; 29; 42–46; 51–53; 57; 58; 63]. Крымская война была итогом противостояния ведущих европейских держав, России и Турции, и стала, по выражению историка Е. В. Тарле, «переломным моментом в истории международных отношений и, в особенности, в истории внутренней и внешней политики России» [33, с. 11]. Особенно актуально (и в первую очередь те вопросы, что касаются итогов войны) эта тема звучит сегодня – ввиду недавнего 160-летия с момента подписания Парижского мирного договора и окончания Крымской военной кампании.

Подписанием Парижского мирного договора закончились открытые военные действия, но противостояние не закончилось. Напротив – с этого времени европейские державы старались усилить свой контроль над происходящим на пограничных с Россией территориях. Крымская война, сыгравшая решающую роль в истории Европы и России в частности, спровоцировала новый виток информационных атак европейских держав против России. На протяжении долгих лет Россия представлялась в образе могучего и страшного врага Европы, где царят дикость, произвол и жестокость. Задолго до Крымской кампании в сознании европейцев культивировалась идея о справедливой войне против России. Уже тогда был опробован действенный прием информационной войны – использовать плоды ума российских интеллектуалов, чтобы показать опасность врага со слов якобы внутренних наблюдателей. К примеру, накануне Крымской войны, во Франции охотно публиковались статьи Ф. И. Тютчева о пользе объединения славян под эгидой России, о возможном появлении российского самодержца в Риме как главы церкви. Эти материалы, выражавшие личное мнение автора, издатели анонсировали как тайную доктрину петербургской дипломатии [36, с. 125].

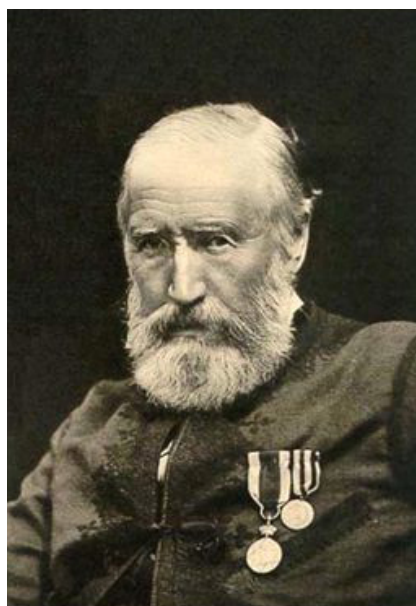
С началом Крымской войны разжигание европейскими СМИ русофобских настроений стало продолжением антироссийской информационной войны. Жители Британии у себя дома могли следить за военным процессом по сводкам в прессе. Самая популярная британская газета «Таймс» регулярно публиковала сведения из театра военных действий, собранные специальным корреспондентом газеты в Крыму Уильямом Расселлом (1821–1907). Во время Крымской войны британцы впервые стали применять фотофиксацию событий, и пионером в этой области выступил Роджер Фентон (1819–1869). Во время Восточной войны наряду с фотографом в Крыму работал шотландский художник Уильям Симпсон (1823–1899) (рис. 1).

Уильям Симпсон, как будет отмечено им в автобиографии, испытывал зависть к работе военных корреспондентов – один обладал силой слова, оружием другого была четкая фотография. Однако в условиях, когда технология получения фотографии не была доведена до совершенства, сами снимки были очень статичны, а сцены на них походили на постановочные, ценность живого рисунка, передающего действие в динамике, была очень велика. Именно это обусловило живой интерес издателей и редакторов газет к художникам-баталистам, делавшим зарисовки в местах военных событий.

Художник Уильям Симпсон добился значительных успехов в области батальной живописи, к тому же он делал прекрасные литографии на основе собственных рисунков и эскизов. Своими работами Симпсон привлек внимание королевской семьи и впоследствии рисовал лично для королевы Великобритании и принца Уэльского. Все это позволило ему называть себя «принцем изобразительной корреспонденции». Действительно, в деятельности Симпсона выразился расцвет батального изобразительного искусства и литографии и одновременно был подведен итог этого вида творчества.

География путешествий и творчества Симпсона охватывала территорию от Шотландии до Дальнего Востока, посему огромный интерес к личности художника проявляют исследователи по всему миру. Но даже несмотря на это основным

источником сведений о жизни и деятельности Уильяма Симпсона по сей день остается написанная им самим автобиография (рис. 2) [62]. Имя художника присутствует во многих трудах зарубежных авторов, посвященных Крымской войне [см. например: 50; 53, р. 22–24]; сведения о нем можно найти и в исследованиях, посвященных истории литографии в Великобритании [56, р. 121–122]. Специальные разыскания были проведены касательно влияния Крымской войны на британское искусство XIX в., и в данном случае литографии Уильяма Симпсона были рассмотрены в контексте отражения политики государства в творчестве конкретного автора и то, как это влияло на формирование общественного мнения [54, р. 68–72]. Литографии Симпсона как свидетельства событий Восточной войны вместе с

*Рис. 1. Уильям Симпсон
(1823–1899).*

*Портрет воспроизводится
по изданию: Simpson W. The
Autobiography of William
Simpson, R. I. (Crimean Simpson).
London, 1903.*

иллюстрациями других авторов – Роджера Фентона, В. Ф. Тимма и Ф. А. Рубо – печатались в «Иллюстрированной истории Крымской войны» [45]. При жизни Симпсона вышла биографическая статья о нем в «Иллюстрированном военно-морском и военном журнале», в которой Симпсон был признан «патриархом среди военных художников» наряду с «патриархом среди военных корреспондентов» Уильямом Расселом и Роджером Фентоном («патриарх военной фотографии») [65, р. 309]. О двух «патриархах» Р. Фентоне и У. Расселе, как полагает Е. Н. Деремедведь, незаслуженно забыли; эту историческую несправедливость исследовательница попыталась исправить в своей книге «Крым: По следам забытых путешествий» (Симферополь, 2013), посвятив им два пространственных биографических очерка [7, с. 72–83]. О третьем «патриархе» исследовательница умолчала, вероятно, полагаясь на его живущую по сей день славу.

О жизненном пути Уильяма Симпсона хорошо известно благодаря многочисленным публикациям отечественных и зарубежных исследователей. Родился в Глазго 28 октября

1823 г.; детство и юность провел в Перте (графство Пертшир), родном городе его отца, морского инженера и механика Уильяма Симпсона старшего (1791–1879). В 13 лет попал в архитектурную мастерскую Глазго, где у него проснулся интерес к искусству. Уже через два года он поступил учеником в литографическую фирму Аллана и Фергюсона в Глазго. Дэвид Аллан проявил большой интерес к своему ученику и доверил ему подготовку эскизов многих старых зданий для альбома Роберта Стюарта (1812–1848) «Виды Глазго и заметки о городе прежних лет», который был опубликован в Эдинбурге в 1848 г.

В 1851 г. Симпсон перебрался в Лондон и был принят в фирму «Дэй и сын» (Day & Son). С началом Крымской войны Симпсон рисовал виды сражений на Балтике для фирмы Колнэги (Paul & Dominic Colnaghi & Co), а когда фирма решила выпустить большой иллюстрированный труд о Крымской кампании, именно Симпсону по рекомендации Дэя было поручено сделать эскизы на месте. Приезд Симпсона в Крым был мотивирован вполне четкой проблемой – по словам художника, в Англии не существовало ни одного плана или даже вида Севастопольской крепости. Перед художником была поставлена ответственная задача – представить картину падения Севастополя, в предвкушении которого находилась вся британская общественность. С целью собрать свое собственное портфолио с видами Крыма времен войны, Уильям прибыл в Балаклаву в ноябре 1854 г. – тогда и началась его личная «крымская кампания». Обстоятельства, побудившие Симпсона отправиться в опасное и далекое путешествие, описаны им самим в «Автобиографии». По воспоминаниям художника, Крымская война породила колоссальный интерес к полуострову. Европа жаждала новостей с полей сражений, охотилась за последними сведениями, но особым предметом вожделения были виды той далекой местности, где разворачивались события одной из самых громких военных кампаний середины XIX в. В общественном сознании Британии витала мысль, которая время от времени высказывалась на страницах периодической печати и в произведениях мемуарного характера, авторы которых рассуждали о судьбе крымской земли под протекторатом британской короны и даже о правомерности британских претензий на акваторию Черного моря. События Крымской войны расценивались как возможность переломить ситуацию в свою пользу и навсегда изменить расстановку сил в Черноморском регионе.

Симпсон оставался в Крыму с британской армией до окончания обороны Севастополя. Итогом его работы в Крыму стал альбом «Театр военных действий на Востоке», опубликованный в двух томах в 1855–1856 гг. [60]. В Лондоне Симпсон доработал свои эскизы и наброски, превратив их в восемьдесят рисунков и акварелей. Литографии, созданные на их основе, были представлены нации как живая история Крымской кампании и пользовались большой популярностью [49, p. 198].

Несмотря на развитие фотографии, работы Симпсона «Крымского» пользовались огромной популярностью, а литографии оставались востребованными. Интерес королевской семьи к его творчеству не позволял этой популярности угаснуть [61, p. 32–33].

Отдельного рассмотрения исследователями была удостоена экспедиция Уильяма Симпсона в Абиссинию в 1868 г. – Ф. А. Шарф совместно с профессором Института эфиопских исследований из Аддис-Абебы Ричардом Пенкхарстом и военным историком Питером Харрингтоном из Университета Брайна в Род-Айленде издали абиссинский дневник Уильяма Симпсона, признанный критиками настоящей энциклопедией эфиопской истории и культуры [61]. Дневнику Симпсона предшествуют две обстоятельные статьи исследователей, посвященные жизни художника, базирующиеся, главным образом, на сведениях из его автобиографии. Еще одна републикация работ У. Симпсона состоялась в 1986 г. – М. Арчер издал альбом рисунков У. Симпсона с видами Индии [41]. Но, несмотря на это,

исчерпывающего труда, посвященного его деятельности, в зарубежной историографии не существует; хотя автобиография Симпсона несколько раз переиздавалась на родине художника, русского перевода этого жизнеописания так и не было сделано. Лишь в 1904 г., через год после выхода «Автобиографии», в «Историческом вестнике» появилась критическая статья В. А. Тимирязина о сочинениях иностранцев о России. В числе прочих была упомянута «Автобиография» Симпсона, содержащая ряд интересных заметок автора о России. Критик дал сжатый пересказ основных событий из жизнеописания художника и охарактеризовал его крымские воспоминания как «не представляющие ничего нового или замечательного» [34, с. 1101].

Имя Уильяма Симпсона хорошо знакомо крымским исследователям – историкам, специалистам в области живописи и культуры. Н. А. Ищенко, избравшая основным предметом своей научной деятельности изучение Крымской войны, посвятила ряд популярных статей творчеству шотландского художника Симпсона в Крыму [14; 16; 17]. О пребывании Симпсона в Крыму, в частности в Балаклаве, писал А. А. Третьяков в своей монографии, посвященной военно-морской истории этого города [35, с. 97]. Помимо графических работ, Симпсон оставил воспоминания о пребывании в Крыму. В этой связи его труд представляет значительный интерес для библиографов и специалистов в области крымской историографии. В последние десятилетия под руководством заведующего кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктора исторических наук, профессора А. А. Непомнящего активно разрабатываются вопросы становления и развития исторического крымоведения и источниковедения по истории Крыма [23; 24; 25]. За это время удалось обобщить и систематизировать многотысячный корпус известных на сегодняшний день источников по истории Крыма, составлена широчайшая библиография. Были в нее включены и альбом с изданными графическими работами Симпсона, и исторический очерк с пояснениями к рисункам художника [25, с. 665, 721]. На наш взгляд, вполне обоснованным видится включение в список важных источников по истории Крыма журналистских работ и мемуаров Уильяма Симпсона, написанных после его второго визита на полуостров.

Успех крымской экспедиции побудил компанию «Дэй и сын» продолжить работу по созданию литографий с рисунков из наиболее горячих и интересных публике регионов. В 1858 г. внимание общественности было приковано к Индостану, где разворачивалась первая война за независимость в Индии. Уильям Симпсон был отправлен в мятежную колонию делать наброски для большого иллюстрированного труда об Индии. Он оставался там в течение трех лет, побывал на востоке и западе страны, поднимался в Гималаи, посещал буддийские храмы Тибета. Подготовка рисунков заняла четыре года после его возвращения, но, когда он закончил работу над 250 акварелями, фирма «Дэй и сын» объявила себя банкротом. Именно после этой «катастрофы» Симпсон встретил мистера Герберта Ингрема, редактора и владельца «Illustrated London News» («Иллюстрированных Лондонских новостей», далее – ИЛН), сотрудничество с которым у него продолжалось более 30 лет. Среди событий, которые он освещал для ИЛН, были экспедиция Р. Нейпира в Магдалу (Абиссиния)

в 1868 г., открытие Суэцкого канала, прусская война 1870–1871 гг., бракосочетания китайского, российского императоров, путешествие принца Уэльского в Индию, раскопки Трои, проводимые доктором Шлиманном. Зарисовки, которые Симпсон делал на местах, пользовались большим успехом, что привело к созданию еще нескольких красочных альбомов [55, р. 345–347].

Основное внимание исследователей было приковано к первому путешествию Симпсона в Крым в 1854–1855 гг., в стороне оставался тот факт, что было и второе. Симпсону, которого прозвали «Крымским», суждено было вернуться на полуостров 15 лет спустя, чтобы увидеть и запечатлеть другой Крым – мирный, послевоенный. Литографии, созданные в ходе второго визита на полуостров, представляют собой не менее интересный источник по истории Крыма. Воспроизведенные в

художественной форме в «Автобиографии Уильяма Симпсона» и в его рисунках сведения о Крыме имеют большое значение и позволяют понять дух времени и эпохи.

Вторая экспедиция Уильяма Симпсона в Крым состоялась в апреле 1869 г. К тому времени он продолжал сотрудничество с лондонским изданием «Illustrated London News» и работал на них в качестве специального художника. Именно на страницах этого издания появились некоторые из его 44 рисунков, переведенных в литографии, с изображениями жителей, городов и ландшафтов Крыма. Под каждым из рисунков был комментарий автора, оставившего ценные замечания о виденных им объектах. Номера ИЛН с работами Симпсона выходили с 22 мая по 24 июля 1869 г. под общим названием «Возвращение в Крым». Были среди них и рисунки из Севастополя, иллюстрирующие разрушенное состояние города и его укреплений, кладбища и памятники французской и британской союзнических армий, захоронения русских солдат [66, р. 490].

В выпуске от 22 мая 1869 г. была опубликована статья У. Симпсона с описанием мест сражений под Балаклавой, которую он сопровождал рисунком комнаты в английском

штабе, где умер лорд Раглан [66, р. 511, 513]. 5 июня 1869 г. была опубликована статья о захоронениях британских солдат в Крыму [66, р. 574, 575]. В дополнение к этой зарисовке Симпсон подготовил рисунки общей могилы английских офицеров, потерянных в годы Крымской войны, а также рисунки Каткартова холма и памятника на месте ранения лорда Раглана, опубликованные 12 июня 1869 г. [66, р. 592, 593].

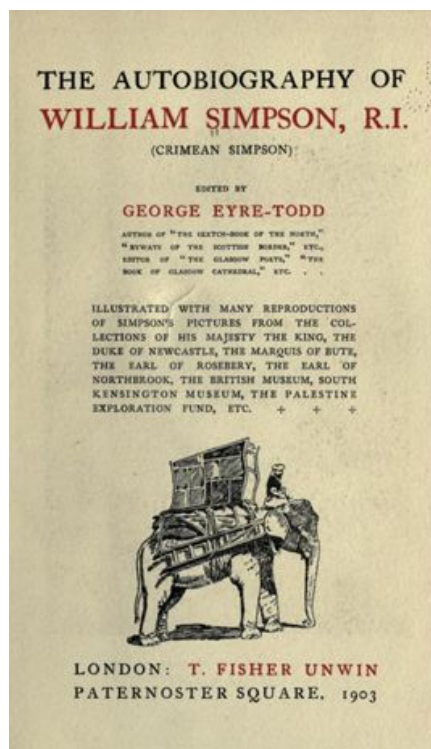

Рис. 2. У. Симпсон.
«Автобиография».
Титульный лист.
Лондон, 1903 г.

Выпуск от 19 июня 1869 г. содержал публикацию с размышлениями о разрушительности войн с описанием послевоенного Севастополя и встречи Симпсона с местным татаринном на руинах укреплений в 1869 г. [66, р. 622, 609]. В выпуск от 24 июня 1869 г. была включена статья Симпсона с описанием Малахова кургана – одного из центральных мест сражений во время осады Севастополя [66, р. 648, 649]. Обзор памятных мест Крымской войны под Севастополем был бы неполным без описания центра Севастополя и Инкерманского сражения – очерк и рисунки разрушенного Севастополя и памятника в Инкермане были помещены в выпуске от 29 мая 1869 г. (рис. 9) [66, р. 540–545]. 21 августа 1869 г. на страницах ИЛН появилась статья с описанием и рисунком русской мемориальной церкви на Северной стороне Севастополя.

Рис. 3. Балаклава. Рисунок У. Симпсона. Карандаш. 22 апреля 1869 г. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

Крымская исследовательница Е. Н. Деремедведь, занимающаяся вопросами имагологии и изучением травелогов, сделавшая значительный вклад в обогащение библиотеки о Крыме переводами записок английских путешественников по Крыму в XVIII–XIX вв., составила авторский перевод сочинения Терезы Грей (1837–1901), которая, как и Симпсон, была в свите принца (будущий король Англии Эдуард VII) и принцессы Уэльских во время их восточного путешествия в 1869 г. Записки фрейлины принцессы Уэльской служат замечательным источником о Крыме конца 60-х гг. XIX в. [47, р. 173–189]. Путешественница со свойственной всем дамам увлеченностью подробно описала странствия английской делегации по Крыму, в отличие от У. Симпсона, который ограничился сжатыми комментариями и подписями к рисункам. Для нас важно то, что Крым, увиденный Терезой Грей, таким же предстал и перед Уильямом Симпсоном. А это, как отмечает Е. Н. Деремедведь,

была Русская Ривьера, уголок «мира и счастья», который превратился в наиболее посещаемое место русских и иностранных путешественников [8].

Во время путешествия в свите принца и принцессы Уэльских также был свой летописец, которому было поручено составить описание вояжа. Специальным корреспондентом был избран сотрудник газеты «London Times» Уильям Рассел, заслуживший себе всенародную славу во время Крымской войны. Его репортажи о путешествии публиковались в «Times», а позже были изданы в виде дневниковых заметок в отдельном труде Рассела «A diary in the East during the tour of the Prince and Princess of Wales» (Лондон, 1869). Таким образом, оба участника Крымской войны – Рассел и Симпсон – вновь встретились, но уже в послевоенном Крыму.

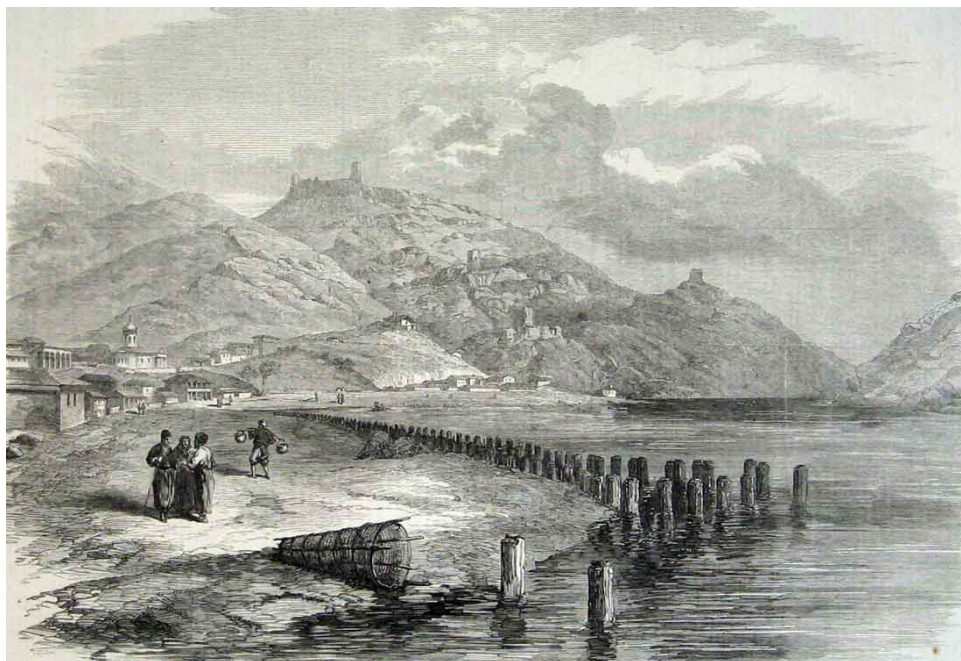

Рис. 4. Возвращение в Крым: Балаклава. Репродукция литографии с рисунка У. Симпсона. «Illustrated London news», 22 мая 1869 г.

Четыре дня во время пятимесячного путешествия вояжеры провели в Крыму. Путешествие началось в Копенгагене, далее англичане проследовали через Берлин и Вену, отплыли на фрегате «Ариадна» из Триеста в Александрию, через порты Египта – в Константинополь, а оттуда – в Крым. В конце 1869 г. миссис Грей издала в Лондоне книгу «Дневник посещения Египта, Константинополя, Крыма, Греции почтенной миссис Уильям Грей в свите принца и принцессы Уэльских», а Уильям Симпсон подготовил литографии с видами Крыма, нарисованными во время поездки. Эскизы, легшие в основу литографий, сохранились в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, благодаря чему мы можем сравнить исходный материал и то, что было опубликовано в ИЛН (рис. 3, 4).

В «Автобиографии» художника в главе «Возвращение в Крым» содержатся воспоминания о поездке на полуостров в 1869 г. Как в обращении к прошлому, в этих размышлениях о былом нет какой-либо хронологии или четкой последовательности. В отличие от Симпсона, миссис Грей и Уильям Рассел вели хронологически точный дневник, отмечали в нем посещенные города и страны, скрупулезно записывали имена новых знакомых. Т. Грей пишет, что в Крым путешественники прибыли 12 апреля 1869 г. Приехав в Севастополь, британцы посетили русское кладбище на Северной стороне, место сражения на реке Альме, а на следующий день, 13 апреля, англичане осмотрели Николаевскую батарею и проехали по главной улице Севастополя, ведущей к Корабельной бухте. Миссис Грей отмечала плачевное состояние города, который не смог оправиться от войны. Даже по истечении 13 лет после окончания Крымской войны Севастополь лежал в руинах. Англичане отдали дань памяти знаменитому Редану, добывшему себе славу в героической обороне. Побывали они на местах сражений на реке Черной, Сапун-горе и в Инкермане. С особым трепетом, чувством скорби и гордости британцы осматривали братские захоронения англичан на Каткартовом холме и на Малаховом кургане.

14 апреля путешественники побывали на хуторе генерала Бракера, где в годы войны размещался английский штаб, и на месте захоронения лорда Раглана. Принц и принцесса со свитой посетили Георгиевский монастырь, затем отправились в Балаклаву, посетили Ливадию – крымскую резиденцию российских императоров, а также другие имения, принадлежавшие членам царской семьи и русским вельможам [47, р. 173–189].

Из воспоминаний У. Симпсона следует, что в Крым он приехал неделей позже, 21 апреля 1869 г., когда принц и принцесса Уэльские со свитой уже покинули полуостров. Имея на руках рекомендательные письма, художник разместился в гостинице Н. И. Ветцеля в Севастополе. Гостеприимством семьи Ветцелей пользовались многие иностранные гости города, среди них в 1833 г. был швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, арендовавший комнату у Иоганна Ветцеля-старшего [9, с. 229]. Симпсон объехал те же места, что и его высочайшие соотечественники, рисуя все то, что им удалось увидеть в Тавриде. Маршрут путешествия Симпсона несколько отличался от того пути, который проделали принц Уэльский с супругой: судя по «Автобиографии», сначала он осмотрел город Севастополь, видел памятник адмиралу Лазареву, Владимирский собор – усыпальницу адмиралов, проехал по местам крупнейших сражений и британских захоронений (каких именно – автор не детализирует). На следующий день Симпсон осмотрел древний Херсонес и Инкерман. Третий день своего визита автор посвятил Балаклаве, Кадыковке, а затем отправился на холм Каткарта и в имение леди Бракер, в дом бывшего английского штаба времен Крымской войны. В «Автобиографии» Симпсон ничего не говорит о посещении Северной стороны и русского кладбища, Малахова кургана, но рисунки этих мест свидетельствуют о том, что побывать ему там все же удалось. Сохранившиеся наброски этих рисунков расходятся с тем, что описано в «Автобиографии»; очевидно, художник писал свои мемуары в конце жизни, описывая почти стершиеся из памяти события. Сделанные Симпсоном рисунки должны были проиллюстрировать визит королевских особ в

Крым. Все они датированы и позволяют визуализировать, что они видели в Крыму: 22 апреля автор рисовал Балаклаву и Кадыковку, 23 апреля – Херсонес, 24 апреля – центр Севастополя с памятником М. П. Лазареву, Северную сторону и Малахов курган, 25 апреля – Инкерман, 26 апреля – французское кладбище, холм Каткарта и мемориал на месте гибели лорда Раглана.

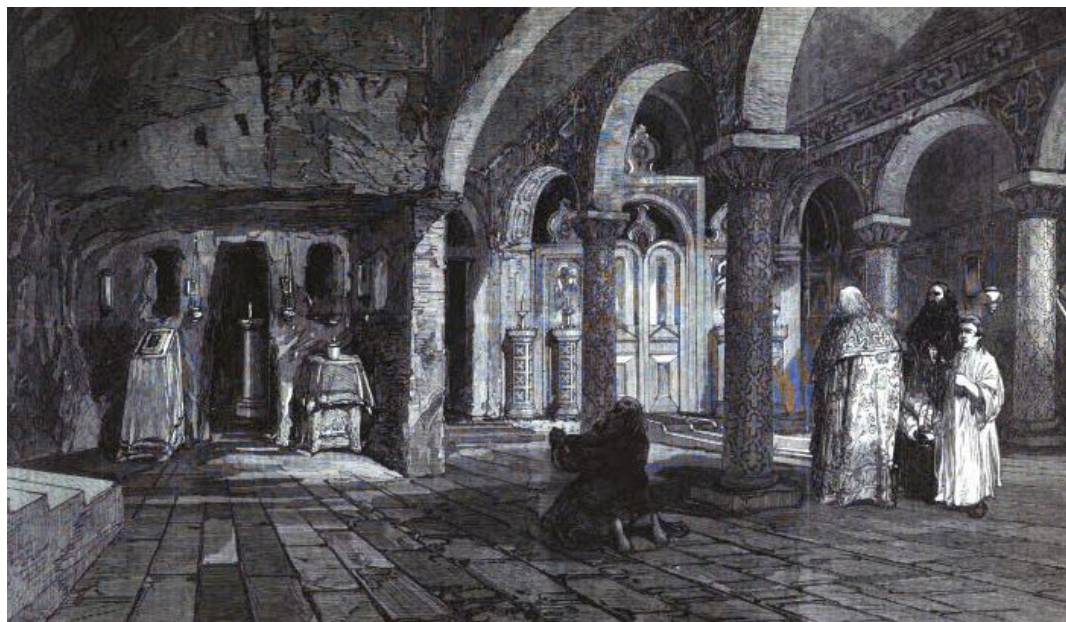

Рис. 5. Церковь Святого Климента. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «*Illustrated London news*», 24 июля 1869 г.

В дополнение к местам и объектам, связанным с войной 1854–1855 гг. и осадой Севастополя, Уильям Симпсон подготовил иллюстрации с остатками памятников древней истории этих мест. Как отмечает сам художник в своей «Автобиографии», страсть к археологии у него появилась после работы над рисунками старого Глазго [62, р. 9]. В поле зрения художника оказались исторические памятники в окрестностях Севастополя, в частности высеченная в скале церковь в Инкермане. Новый монастырь, построенный в Инкермане после Крымской войны, Симпсон описал как «красивое сооружение, которое расположено прямо под скалой с древними руинами» [64, р. 87]. В компании монахов художник посетил пещеры, видел часовни и главную церковь. От своих проводников художник узнал, что пещеры были вырыты несколько столетий назад, как он выражается, «в христианские времена». Это выражение, весьма популярное среди путешественников первой половины XIX в., использовали для обозначения времени утверждения христианства в Крыму. Симпсон отметил, что церковь находилась в хорошем состоянии, несмотря на то, что во время войны здесь были расквартированы солдаты. Она была освящена в честь святого Климента, который был изгнан в эти места при императоре Траяне.

Именно эту церковь, под алтарем которой, как полагал Симпсон, был погребен сам святой, художник изобразил на своем рисунке (рис. 5). Читатель увидел на этой иллюстрации типичный интерьер христианской церкви, а о небольших часовнях и костнице, новом фасаде и деревянном балконе, из которого открывался превосходный вид на долину реки Черной и на Инкерман, можно было узнать из комментария к рисунку.

Еще одним представленным объектом была «церковь святого Владимира на месте руин древнего Херсона». Посетив южную сторону Карантинной бухты, Симпсон видел руины древнего Херсона – города, который предшествовал Севастополю. Автору удалось осмотреть древние стены города и развалины трех церквей, одна из которых, на городской центральной площади, по его мнению, была посвящена святому Владимиру. От этого древнего храма сохранились фундамент, апсида, каменный алтарь с крестом на плите, пол из грубых камней (рис. 6). В 1869 г. Симпсон уже видел свод нового собора, строящегося над церковью святого Владимира, а также монастырь, возрожденный после войны [64, р. 87–89].

Симпсон приехал в Херсонес, когда он уже перестал быть для исследователей *terra incognita*. Раскопки, проводимые отставным штабс-капитаном Крузе в 1827 г., эпизодические археологические разыскания князя З. С. Херхеулидзева в 1830 г., швейцарского путешественника Ф. Дюбуа де Монпере в 1833 г., Д. В. Карейши в 1842 г. и в 1846–1847 гг., З. А. Аркаса в 1844–1847 гг., лейтенанта Шемякина в 1851 г., иеромонаха Василия в 1852 г. и графа А. С. Уварова в 1853 г. позволили несколько прояснить картину относительно древнего города и выявить новые интересные объекты, в том числе христианские церкви в разных частях городища [4, с. 9–18]. Симпсон видел Херсонес после Крымской войны, которая, как известно, не пощадила ни древних, ни новых строений. Нельзя было представить целостной археологической картины на изрытом траншеями городище, да и отсутствие планомерных раскопок этому никак не способствовало [5, с. 72]. Однако к 1869 г. на городище было раскопано несколько древних церквей: три из них в центральной части городища открыл Крузе, граф А. С. Уваров раскопал большую северную базилику, а позже в 1861 г. во время работ по очистке центра городища перед постройкой большого собора было обнаружено семь храмов [4, с. 18]. К тому же с конца XVIII в. Крым становится предметом пристального изучения со стороны ученых, а также местом паломничества для русских и иностранных путешественников. Новые земли в составе Российской империи привлекали вояжеров природой, историей, культурой живущих здесь народов; но разразившаяся Крымская война сместила акценты. На исходе второго мирного десятилетия после окончания Крымской войны воюющие стороны все еще не оправились от тяжелых последствий конфликта. Осмысливая ход и результаты военного противостояния, участники писали воспоминания и мемуары о войне, но даже это не заставило приезжающих сюда иностранцев позабыть о древностях и достопримечательностях полуострова. Союзники проводили в Херсонесе случайные раскопки, а У. Симпсон, не сумев удовлетворить свой археологический интерес во время Крымской кампании, активно интересовался древними памятниками во время своего второго визита на полуостров в 1869 г. Для ознакомления с этими объектами Симпсон привлекал

местных жителей, которые рассказывали художнику о достопримечательностях Севастополя и его окрестностей. Важным подспорьем были и труды его соотечественников – англичан, которые побывали в Крыму и описали древности полуострова. Большой популярностью пользовалась книга Г. Сеймура, совершившего путешествие в Крым в 1852 г. [59].

Собор Святого Владимира он застал в момент начала строительства. В 1861 г. состоялась торжественная закладка нового собора, в 1867 г. было заложено основание главного престола. Стены древнего храма прикрыли мрамором, а на месте купели водрузили плиту из темно-серого мрамора с белым крестом. Собор продолжали строить и после отъезда Симпсона из Крыма – вплоть до 1877 г.

Вдохновленный увиденным собором, Уильям Симпсон пересказал легенду о крещении князя Владимира, сравнивая осаду Херсонеса киевским князем с осадой, которую десятилетием ранее выдержал Севастополь. В окрестностях города Симпсон отметил обилие вырытых в скале пещер наподобие тем, что он видел в Инкермане (рис. 7, 8).

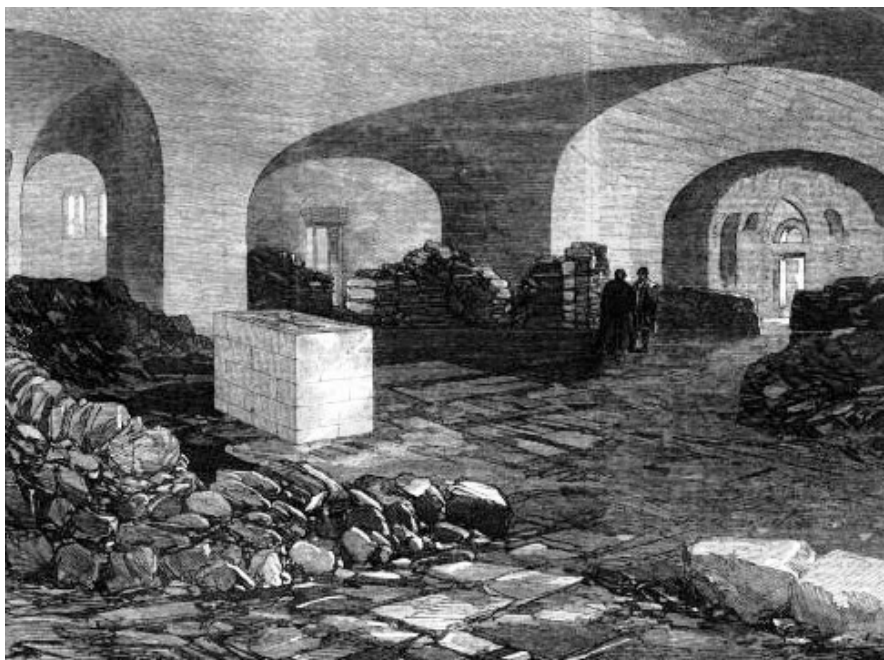

Рис. 6. Алтарь и остатки древней церкви Святого Владимира. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «Illustrated London News», 24 июля 1869 г.

Рисунки Уильяма Симпсона с изображениями древних святых мест в Инкермане и Херсонесе были опубликованы в номере «Illustrated London News» от 24 июля 1869 г. Это сразу же привлекло внимание читателей, которые теперь могли вновь увидеть Крым – театр самой масштабной войны в Европе в XIX в. И хотя на этот раз в работах художника были другие акценты – вместо батальных сцен на рисунках представлены мирные картины, в них все же прослеживаются отголоски той

разрушительной войны. Рисунок церкви, где крестился Святой Владимир, стал, таким образом, завершающим аккордом его личной крымской кампании.

При рассмотрении литографий с работ У. Симпсона немаловажным остается аспект достоверности. Художник, который, как известно, рисовал некоторые из своих эскизов не «с натуры», а по рассказам очевидцев, мог допускать погрешности, в его работах всегда оставалось место для художественного вымысла. В этой связи определенный интерес представляют фотографии послевоенного Севастополя рубежа 60–70 гг. XIX в., сделанные Константином Колпакчи (Колпакчевым). Виды Севастополя, представленные фотографом, позволяют убедиться в том, что Севастополь действительно до 1870-х гг. оставался в разрушенном состоянии. Город вступил в новую эпоху, впереди у него было новое строительство и возрождение (рис. 10).

Перевод отрывка о втором посещении Крыма Симпсоном выполнен с оригинала «Автобиографии» У. Симпсона. Авторский стиль повествования сохранен. Английские названия и фамилии переведены в соответствии с требованиями к транслитерации собственных имен на русский язык. Случаи использования автором транскрибирования русских слов в оригинальном тексте оставлены без изменений. В треугольных скобках заключены номера страниц, соответствующие расположению текста в издании 1903 г. Следом помещен перевод заметки У. Симпсона в «Illustrated London News» о крымских древностях в окрестностях Севастополя, увиденных им во время путешествия в 1869 г.

Возвращение в Крым¹

Преодолеть путь от Константинополя до Крыма в то время² можно было на пароходе, что шел до Одессы, с пересадкой на другой, идущий до Севастополя, куда я и прибыл 21 апреля (1869 г. – Т. II.).

В Севастополе была одна гостиница, принадлежавшая Ветцелю³, где я и остановился. Ее владелец, немец по происхождению, во время осады Севастополя

¹ Русский перевод выполнен по: Simpson W. The Autobiography of William Simpson, R. I. (Crimean Simpson) / ed. by G. Eyre-Todd. – London: T. Fisher Unwin, 1903. – P. 216–223.

² Уильям Симпсон совершил своё второе путешествие в Крым в 1869 г. В это время содержанием паромных линий между портами Чёрного, Азовского и Средиземного морей занималось Русское Общество Пароходства и Торговли (РОПиТ), созданное 3(15) августа 1856 г. Помимо возобновления паромных путей сообщения, расширения внешней торговли, развития отечественного мореходства, промышленности и сельского хозяйства, Общество, создавая каботажное и грузовое судоходство, поддерживало и военные интересы государства. К 1869 г. Общество достигло значительного роста: имело недвижимое имущество (заводы, пристани, мастерские, казармы, эллинги и проч.) в Севастополе, Одессе, Феодосии, Херсоне, Ялте и некоторых заграничных портах; в его активе было 63 парохода с вместимостью в 58012 тонн, 38 барж и 7 шаланд; занималось содержанием 20 паромных линий, в том числе 6 заграничных Александрийской, Анатолийской, Лондонской, Галацкой, Марсельской и двух Константинопольских; увеличило количество рейсов с 1035 в 1858 г. до 2867 в 1869 г., число перевезённых пассажиров, соответственно, возросло с 2887 чел. в 1856–57 гг. до 430229 чел. в 1869 г. [см.: 28; 32; 3; 12].

³ Николай Иванович Ветцель, потомственный почётный гражданин Севастополя, сын Иоганна Ветцеля. Его брат Вильгельм Иванович Ветцель был владельцем фабрики искусственных минеральных вод в Севастополе на Приморском бульваре. Как и его отец, Николай Иванович был содержателем гостиницы, которая именовалась «Севастополь» и располагалась на ул. Морской, между Банковским

находился в городе и рассказал мне о том времени много интересного. Мы, находясь за пределами города¹, почти ничего не знали о том, что происходит в самом Севастополе. Ветцель немного знал по-английски – достаточно, чтобы быть понятным. Если я все правильно помню, он был управляющим главного военного клуба в Севастополе². После первой же бомбардировки это здание приспособили под перевязочный пункт для раненых, где проводили операции³. В Николаевском форте был оборудован госпиталь, куда отправляли всех больных, подающих надежды на выздоровление. Безнадежные больные отправлялись в другое учреждение⁴. Солдаты

переулком и Корниловской площадью. По свидетельству современников, гостиница существовала с 1852 г., владелец выстроил её в течение двух месяцев, истратив на это четыре тысячи рублей. После Крымской войны в 1857 г. в ней останавливался Д. Афанасьев, и, вероятно, в ней же пребывал У. Симпсон. После войны Ветцель приобрёл и отстроил бывший дом адмирала П. С. Нахимова – одноэтажное здание с семью окнами, расположенное по адресу ул. Екатерининская, 6. Одно из первых упоминаний о гостинице Ветцеля по этому адресу встречается в путеводителе 1871 г. М. А. Сосногоровой. В 70-е гг. XIX в. дом, бывший последним пристанищем славного адмирала – защитника Севастополя, почитался приезжими как местная достопримечательность, к тому же он находился по соседству с «Севастопольским музеем», открытым в 1869 г., в котором также хранилась память об осаде Севастополя. Гостиница Ветцеля до начала XX в. оставалась лучшей гостиницей города, составляя конкуренцию гостиницам «Кист» и «Гранд-Отель», была одной из шести первоклассных гостиниц дореволюционного Севастополя («Ветцель», «Кист», «Гранд-Отель», «Северная», «Бристоль», «Центральная») [1, с. 158; 11, с. 24–27, 81; 22, с. 134; 20, с. 287; 31, с. 208–209, 220; 2, с. 134–146; 38, с. 150–159].

¹ Лагерь союзных войск и военные склады располагались в Балаклаве.

² Главным военным клубом Севастополя Симпсон называет Севастопольское Морское Собрание – духовный, культурный и интеллектуальный центр города и флота в XIX – начале 20-х гг. XX в. Именуемое Благородным, Собрание учреждалось на началах традиций Русского Флота и офицерской чести. В Морском Собрании проходили балы и танцевальные вечера, это было место для «взаимных поздравлений». В рождественские и пасхальные праздники, в Новый год в Морском Собрании собирались первые лица города и чины морского ведомства, там зачитывались телеграммы с поздравлениями, пришедшие в Севастополь из Санкт-Петербурга и других городов России. В Морском Собрании с научными сообщениями и лекциями выступали офицеры флота.

Здание для Собрания (другое название – Дом общего собрания флагманов и капитанов) было построено в 1843–1847 гг. по проекту академика архитектуры А. П. Брюллова и располагалось на Екатерининской площади, у подножия холма, на котором расположен Матросский бульвар. Это было одно из лучших зданий Севастополя, выполненное в классическом стиле. Оно состояло из более высокого центрального корпуса и двух боковых. Вход подчеркивал портик с фронтоном. Главный фасад украшали мраморные рельефы работы итальянского скульптора Ф. Пелличчио. Николай Иванович Ветцель был управляющим (экономом) Благородного Собрания Севастополя.

³ Во время Крымской войны в Офицерском собрании размещался главный перевязочный пункт для войск Городской стороны; в двухсветном зале находилась операционная, в которой работал военный хирург Н. И. Пирогов. В годы Крымской войны 1854–1855 гг. здание было разрушено. На его месте в 1887 г. было построено новое здание Собрания, к которому по крытому переходу примыкала Морская библиотека [19, с. 119].

⁴ Во времена Крымской войны и первой осады Севастополя безнадежно больные и раненые, обречённые на смерть, по распоряжению Н. И. Пирогова, отправлялись в так называемый дом Гущина, чтобы «вид смерти не лишил бодрости остальных раненых». Дом этот, расположенный в центре города на ул. Морской (ныне проспект Нахимова), принадлежал севастопольскому купцу первой гильдии Ивану Яковлевичу Гущину (1806–1868), городскому голове в 1843–1848 гг., который, помимо дома на ул. Морской, имел трактир на Северной стороне. В конце XIX века дом принадлежал М. И. Терентьевой. В 1900-е гг. в здании размещался модно-галантерейный магазин Г. Б. Левинзона, модный магазин готового платья И. Н. Кигеля, вино-бакалейный магазин М. Боровика. В годы Великой Отечественной войны здание сильно пострадало [37, с. 487; 18, с. 157–158].

скоро смекнули это и уже знали, какой исход их ждет, в зависимости от того, в какую больницу их отправили. Это угнетало тех, чьи случаи были тяжелейшими, и, как сказал мне Ветцель, под влиянием этого факта кончина их наступала скорее. В начале осады в Севастополе было около 10 000 военнопленных. Адмирал Корнилов приказал освободить их и определить на работы; Ветцель рассказывал, что они показали себя на месте лучше солдат. Эти мужчины и моряки никогда не менялись в батареях, в то время как солдаты сменялись каждый день или, по крайней мере, регулярно через определенные промежутки времени.

Рис. 7. Гробница в скале в древнем Херсоне. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «Illustrated London News», 24 июля 1869 г.

Больше всего меня увлек рассказ Ветцеля о человеке, имя которого носит Малахов курган¹. Малахов был флотским казначеем в Севастополе, и в число его

¹ Эта же гипотеза происхождения названия Малахова кургана была изложена в статье анонимного автора «Записки севастопольца», опубликованной в «Русском архиве» в 1867 г. Статья, встреченная неоднозначно, положила начало дискуссии относительно данного топонима.

Предположения авторов строились преимущественно на устных рассказах легендарного характера старожилов Севастополя. В. Шавшин на основании документов, хранящихся в Российском государственном архиве военно-морского флота в Санкт-Петербурге, обоснованно утверждает, что курган назван по имени Михаила Михайловича Малахова, служившего в Севастополе с 1827 г. и командовавшего ротой 18-го рабочего экипажа. М. М. Малахов поселился на Корабельной стороне, пользовался авторитетом среди нижних чинов и бедноты. Вскоре фамилия капитана и высота на Корабельной слились для горожан воедино, а курган стал называться Малаховым.

Взятие Малахова кургана французскими войсками 27 августа 1855 г. положило конец 349-дневной обороне Севастополя. В честь этого события капитан Жан-Жак Пелисье, бывший на тот момент

обязанностей входили поставки продовольствия и <216> напитков на корабль, к которому он был приписан. Поставляя напитки, он нашел способ обойти акцизный сбор, а выручку присвоить себе. За это его судили военно-полевым судом и признали виновным в обмане и мошенничестве, а также в пьянстве, так что он был уволен со службы. Оказавшись изгоем, ему все равно нужно было как-то жить, а в его случае ему было важно, чтобы он мог при этом «пить». С этой целью он решил открыть лавку спиртных напитков. Схемы, по которым он мог обходить акциз, все так же им практиковались, таким образом, он мог продавать дешевле остальных. Это сделало детище Малахова по сравнению с другими заведениями более посещаемым, что было актуально среди русских, которые сильно пьют и делают это частью своей работы. Они не выпивают по случаю, как это делают в Западной Европе. Западные люди любят посидеть с друзьями за приятной беседой и могут время от времени, если общение продолжается, выпить немного лишнего. Русский человек знает, сколько требуется, чтобы он сделался пьян, и действует соответственно. Если он может напиться, заплатив при этом меньше в одном магазине, чем в другом, он идет в тот магазин. Малахов сыграл на этой особенности и привлек тем самым русских солдат и матросов, которые соответственно ему покровительствовали. Местом для открытия его лавки (мне помнится, Ветцель назвал ее деревянным домиком) был холм, который впоследствии стал известен под его именем. Ранее это была пустынная каменистая возвышенность за пределами города с позорной репутацией и слыла местом захоронения самоубийц. Корабельная сторона, где жили моряки, была недалеко от того места, и спиртная лавка стала местом отдыха для этих людей и была отмечена многочисленными беспорядками, возникающими вследствие характера места. В свое время высота стала известна как «Малахов курган» по имени этого пьяного мошенника и опозорившегося казначея, а теперь это гордое звание присвоено генералу Пелисьеру, герцогу Малаховскому. Русские офицеры, которые случайно узнали об этой истории, должно быть, долго смеялись, когда было объявлено о новом звании французского главнокомандующего.

Когда я увидел Севастополь вновь через 13 лет, прежде всего меня поразило, что город до сих пор лежал в руинах. Жилые дома <217> кое-где были подправлены и отреставрированы, а огромные казармы, которые мы во время осады называли «белыми домами», были все в том же разрушенном состоянии, как и в конце войны. Перед ними, если смотреть в сторону главной бухты, после войны был установлен памятник адмиралу Лазареву¹. Надпись «1866» на нем подсказывала, что памятник стоял там

командующим всеми французскими силами под Севастополем, был удостоен звания герцога Малаховского (22 июля 1856 г.) [13; 27; 30; 40, с. 55–56].

¹ Инициатива воздвигнуть памятник М. П. Лазареву возникла сразу после его похорон 7 мая 1851 г. Организацией установки памятника руководил контр-адмирал В. А. Корнилов. Проект памятника был исполнен скульптором Н. С. Пименовым уже в декабре 1854 г., однако воплотить проект в жизнь помешала Крымская война. Гипсовая фигура адмирала была отлита в апреле 1863 г., которую планировалось поставить на месте флотских казарм так, чтобы она была видна всем судам в Севастопольской бухте. Пьедестал предполагалось сделать из диорита, а ступени под пьедесталом – из вознесенского гранита. Выполнить всю работу скульптор Пименов не успел – в 1864 г. он скончался, его работу продолжил русский скульптор И. И. Подозеров. Памятник был торжественно открыт 9 сентября 1867 г. на мысе Лазарева перед Лазаревскими морскими казармами. Бронзовая статуя высотой около 6,4 м (общая высота монумента – около 15 м) была установлена на средства, собранные среди

не более двух лет. Колоссальная черная фигура адмирала имела весьма жуткий вид, стоя напротив руин белых казарм, расположенных позади. Лазарев был в числе основателей Севастополя и Черноморского флота, поэтому с целью почтить его память и была установлена эта статуя. Но было весьма разительно видеть фигуру этого человека на развалинах города, который он построил.

Я должен сказать о великолепном мемориальном храме, который был возведен над могилами четырех адмиралов¹. Лазарев, как уже упоминалось, умер в Вене в 1851 году, но его тело было перевезено в Севастополь с большим почетом на военном корабле, адмиралы отнесли гроб с телом адмирала на вершину холма, рядом с так называемой Башней Ветров. Но начавшаяся война помешала строительству церкви в то время.

офицеров флота. Памятник представлял из себя фигуру адмирала во весь рост без фуражки, обращенную лицом к рейду. Под левой рукой была подзорная труба. Взгляд Лазарева устремлен вдаль. На гранитном пьедестале под бронзовым щитом фамильного герба разместилась надпись: «Адмиралу, Генераль-Адъютанту Михаилу Петровичу Лазареву. Лѣта 1866».

Снесён монумент в 1928 г., по рекомендации комиссии, решившей, что памятник не имеет исторической значимости. На месте снесённого памятника в 2000-е гг., после передачи Лазаревских казарм Черноморскому филиалу МГУ, был установлен памятный камень с надписью «На этом месте в 1866 году был воздвигнут памятник великому русскому флотоводцу и мореплавателю, командующему Черноморским флотом России с 1834 по 1851 год, адмиралу М. П. Лазареву» [26, с. 186; 21, с. 67–71].

¹ Речь идёт о Соборе Святого Равноапостольного князя Владимира, усыпальнице адмиралов, расположенном на Центральном городском холме Севастополя. История собора началась в 1825 г., когда командующий Черноморского флота адмирал А. С. Грейг подал прошение императору Александру I установить памятник на развалинах Херсонеса, в котором, по преданию, был крещён князь Владимир. Утверждение получил проект архитектора К. А. Тона – крестово-купольный пятиглавый кубовидный храм в русско-византийском стиле. По ходатайству адмирала М. П. Лазарева было принято решение о строительстве собора в центре города.

В 1851 г. умер адмирал М. П. Лазарев, командующий Черноморского флота, и в память о его заслугах решено было похоронить его в специально сооружённом склепе на месте будущего собора. Закладка собора была произведена 15 июля 1854 г., к началу осады Севастополя успели возвести только фундамент.

Во время Крымской войны в склепе будущего храма были захоронены адмиралы В. А. Корнилов, В. И. Истомин, П. С. Нахимов, погибшие на бастионах Севастополя.

После Крымской войны, в 1862 г., работы по возведению собора возобновились. Для этого пригласили известного архитектора, академика А. А. Авдеева, который переработал проект К. А. Тона на основе традиционной византийской церковной архитектуры. В 1881 г. закончено сооружение нижней церкви, а в 1888 г., после смерти А. А. Авдеева – завершено строительство верхней. Таким образом, У. Симпсон в 1869 г. видел ещё строящийся собор, а вернее – незавершённую нижнюю церковь будущего собора.

Рис. 8. Гробница в скале в древнем Херсоне. Рисунок У. Симпсона. Карандаш. 23 апреля 1869 г. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

После осады у Лазарева в его усыпальнице появились товарищи. Адмирал Корнилов был убит на Малаховом кургане 17 октября 1854 года¹. Адмирал Эстонский² был убит выстрелом в голову в мае³ 1855 года. И когда адмирал Нахимов погиб в августе того же года, склеп можно было дополнить. Над могилами этих четырех адмиралов, на самой высокой точке Севастополя, была возведена изящная церковь в честь святого Владимира. Ветцель сказал мне, что Нахимов был глубоким патриотом, и если бы он дожил до сдачи Севастополя, то, по всей вероятности, не смог бы перенести этого ужаса и отчаяния.

В день моего приезда в город я прошел по местам наших наиболее кровопролитных сражений, а затем по карьерам, где находились три наших

¹ Дата дана британцем Симпсоном по григорианскому календарю, используемому в Европе. В России, которая до 1918 г. жила по старому стилю, днём смерти Корнилова был, соответственно, 5 октября 1854 г.

² Estonian – так в тексте. Искажённое «Истомин».

В оригинальном тексте У. Симпсона фамилия В. И. Истомина искажена, что, должно быть, было связано с неверным восприятием и транслитерацией русской фамилии, созвучной со словом «Estonian».

³ Автор ошибается. Истомин был убит прямым попаданием ядра в голову 7 (19) марта 1855 г.

захоронения. Другое небольшое захоронение должно быть за тем местом, которое мы знали как «окопы Эджертон»¹.

На следующее утро солдаты занимались бурением на Корабельной стороне, и гул бура дополнялся мушкетной стрельбой. Эти звуки, столь знакомые мне после первого посещения Севастополя, напомнили мне былые времена. Этим утром я вышел в направлении Карантинной бухты, чтобы увидеть остатки древнего Херсона. Там расположены многочисленные гробницы, высеченные в скале, и остатки древней церкви Святого Владимира. На этом месте построили новую церковь, а древняя, каменный алтарь которой сохранился, осталась внутри.

В Инкермане я часто смотрел на долину, в конце которой на другом берегу реки Черной расположена перпендикулярная скала, испещренная пещерами, и мечтал побывать в этом месте; но наши противники заняли то место. Во время моего второго визита все было иначе, и я мог подойти безо всякой опасности к этому интересному месту.

Это место известно как «пещерный город». Молодой монах по имени Федор провел меня через пещеры и церкви, или часовни, вырытые в скале. По-русски я знал всего пару слов, но из разговора с ним я понял, что пещеры эти были гробницами, кроме одной или двух, больших по размеру, служивших, вероятно, часовнями. Центральная часовня была разрушена с внешней стороны и впоследствии достроена. Недавно ее отделали и покрасили, иконостас выглядел совершенно новым. Алтарь, как я понял, был высечен из цельной скалы. Святой Климент, как полагают, был основателем монастыря. Название этой церкви было, соответственно, – «Sobore Swetie Clement» (Собор Святого Климента – *Т. П.*) – «sobore» означает «церковь», а «swetie» является русским эквивалентом слова «святой». Католическая церковь почитает Святого Климента, следовавшего учению Святого Петра, как Римского Папу, который подвергся гонениям и был сослан на работы в инкерманские каменоломни; так что относительно этой истории латинская и греческая церкви соглашаются. Федор рассказал мне, насколько я смог его понять, что Климент прибыл в Инкерман в 93 г. н. э. и впоследствии был похоронен в церкви. Федор указал на место под алтарем как на место погребения Климента. Пол церкви был деревянным, что нетипично для скального строения. В конце ступеней, снаружи церкви, расположены усыпальницы, «grabnitsa», как их называл Федор, и в одной из них был гроб с черным покрывом. В другом, за стеклянным люком или окном, были видны черепа. Мы вернулись в один из монастырских домов внизу. Там нас ждал горячий самовар и мы пили чай. Федор хлопотал вокруг стола, наливая чай и прочее, с грацией и любезностью хорошо воспитанной леди.

Утром я поднялся рано, чтобы отправиться в Балаклаву. Я прошел вдоль изголовья бухты, где были сосредоточены наши укрепления на левом фланге, и

¹ Полковник Томас Грэхем Эджертон командовал 77-м пехотным полком (Восточный Мидлсекс) в период осады Севастополя во время Крымской войны. Погиб в возрасте 42 лет в ночь с 18 на 19 апреля 1855 г. при штурме русских стрелковых окопов, расположенных перед позициями Редана. Впоследствии британский главнокомандующий лорд Раглан называл захват солдатами Эджертон русских позиций, которые после его смерти стали известны как «окопы Эджертон», «блестящим завоеванием», которое дорого стоило союзникам и потребовало принесения в жертву полковника Эджертон, одного из лучших офицеров в армии [48, p. 111].

обнаружил углубление, частично переходящее в пещеру в скале, где я провел целый день, рисуя Севастополь. Я миновал наши траншеи и Каткартов холм, вышел в лагерь моряков и к бывшему месту нашего штаба.

Рис. 9. Возвращение в Крым: руины города Севастополя. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «Illustrated London news», 29 мая 1869 г.

В седловине, или на перешейке, там, где дорога из Балаклавы поворачивает на плато, оставляя в стороне долину, я вышел на остатки нашей железной дороги и смотрел вниз на знаменитые земли балаклавских атак. Равнина внизу использовалась под насаждения, виноградники тянулись из Кадыкоя и стояли темной стеной, где «тонкая красная линия»¹ встретила русскую кавалерию. Пока я спускался в Кадыкой, я мог видеть старую линию обороны, занимаемую отрядом сэра Колина².

¹ Тонкая красная линия (англ. *The Thin Red Line*) – эпизод битвы при Балаклаве 25 октября 1854 г., в ходе которого 93-м шотландским пехотным полком были отражены горцы 1-го Уральского казачьего полка подполковника Хорошхина. Для того, чтобы прикрыть слишком широкий фронт атаки русской кавалерии, генерал-майор сэр Колин Кэмпбелл приказал своим солдатам построиться в шеренгу по два, вместо предусмотренной уставами в таких случаях шеренги по четыре. Шотландские мундиры были красного цвета, отсюда и пошло название «Тонкая красная линия», которое стало художественным образом – символом стойкости и самопожертвования. Корреспондент «Таймс» Уильям Рассел описал шотландский полк в этот момент как «тонкую красную полосу, ошетилившуюся сталью». Со временем это выражение перешло в устойчивый оборот «тонкая красная линия», обозначающий оборону из последних сил. Эта фраза стала символом британского хладнокровия в сражениях.

² Колин Кэмпбелл, 1-й барон Клайд Клайдсдельский (1792–1863) – британский государственный и военный деятель шотландского происхождения, фельдмаршал. Участник военных действий на Пиренейском полуострове в 1808–1809 гг., Англо-американской (1812–1815), Первой опиумной (1840–1842) и Восточной (1853–1856) войн. 21 февраля 1854 г. получил временное звание бригадного генерала и назначен командиром бригады шотландских горцев. Высадившись в Крыму, 20 сентября участвовал в

И снова здесь через тринадцать лет я был в Балаклаве – такой спокойной и тихой – здесь снова воцарился мир! Какой контраст по сравнению с моим первым впечатлением! Вместо тесного нагромождения транспортных судов здесь было лишь несколько маленьких рыбацких лодок. Вода была спокойной и прозрачной. Когда я приблизился к городу, не было видно ни души – город отошел ко сну. Я изнемогал от усталости и жажды и вошел в первый дом, в котором, как мне показалось, можно было отдохнуть и освежиться. Хозяин дома спал вместе со всем городом. Когда он встал, оказалось, что это грек, который знал немного по-итальянски, так что он понял слово «vino» и пошел за напитком. Я спросил: «Questo Vino?»¹, и он ответил: «Балаклава». Это было белое крымское вино.

К нам присоединился мужчина, и когда я спросил его, не татарин ли он, то ответ был отрицательный. «Караим», – сказал он. Я догадался, что он принадлежал к евреям Крыма, известным как караимы. Они отвергают Талмуд и строго придерживаются Пятикнижия, а живут на Чуфут-Кале и в Бахчисарае. Я хотел узнать, понимает ли он иврит, и обратился к нему со словами «Barashit bara Elohim», т. е. произнес первые слова из книги Бытия. Эти слова были ему знакомы. Затем я написал слово «Иерусалим» на иврите, которое он тут же прочитал. Его звали Яков Каракуш, <220> караим из Бахчисарая. Он носил платье, похожее на татарские, но лучше сшитое.

У меня было рекомендательное письмо полковнику Бракеру, джентльмену, который жил в старой штаб-квартире лорда Раглана². Я нанес ему визит, нашел мадам Бракер дома и осмотрел старые места. Мадам Бракер сообщила мне, что до начала Крымской войны дом принадлежал семье мужа и они покинули его, только когда наша армия прибыла в город. Они оставили большую часть мебели на своих местах, которая, конечно же, пропала, когда они вернулись после войны. Комнаты во время моего визита были хорошо убраны, обставлены цветами и растениями в горшках, что контрастировало со старым образом этого места – перед моими глазами стояли голые военные бараки британского штаба. Г-жа Бракер сделала из кабинета лорда Раглана

сражении при Альме, 25 октября — в Балаклавском сражении (эпизод отражения его солдатами наступления русских горцев получил название «Тонкая красная линия»). 23 января 1855 г. произведён во временные генерал-лейтенанты, 5 июля принят в Рыцари большого креста ордена Бани. Сменил герцога Кембриджского в качестве командира 1-й дивизии (бригада шотландских горцев и гвардейская бригада). 4 июня 1856 г. ему присвоено временное звание полного генерала и постоянное звание генерал-лейтенанта.

¹ Что это за вино? (итал.).

² 23 сентября (5 октября) 1854 г. главнокомандующий английской армией Раглан перенёс свою штаб-квартиру ближе к Севастополю на хутор русского генерала Августа Богдановича Бракера, который находился в районе 7-го километра Балаклавского шоссе, слева от шоссе Севастополь – Балаклава. 16 (28) июня 1855 г. на этом хуторе лорд Раглан скончался от холеры. Его тело отправили в Великобританию. После него на хуторе Бракера жили английские главнокомандующие – генерал Джеймс Симпсон, отозванный в Англию, и генерал-лейтенант Вильям Джон Кондригтон – впоследствии губернатор Гибралтара.

В комнате, где умер лорд Раглан, в стену вмонтировали мраморную плиту с мемориальным текстом: «В этой комнате умер фельдмаршал лорд Раглан, командующий британской армией в Крыму, 28 июня 1855 г». Такая же гранитная плита была установлена у колодца, третья – на доме Бракера с текстом, что здесь жили английские главнокомандующие – Раглан, Симпсон и Кондригтон. Ныне мемориальные доски утрачены [39, с. 134].

гостиную, а на стене висела мраморная плита с надписью: «В этой комнате умер фельдмаршал Лорд Раглан, Рыцарь Большого Креста, главнокомандующий британской армии в Крыму, 28 июня 1855 г.». Ниже была еще одна плита с той же надписью, но на русском языке. Бракеры держали цветы рядом с этими надписями; и на фотографии, которую они дали мне для леди Эстсуорт¹, есть два кипариса, которые владельцы дома держали в доме в зимние холода. На двери между этой комнатой и залой, в которой лорд Раглан и его подчиненные слушали мессу, была следующая надпись: «Фельдмаршал лорд Раглан, генерал сэр Дж. Симпсон, генерал У. Кодрингтон» <221>.

В комнате была еще одна плита с единственной надписью «Капитан Понсонби».

Тело лорда Раглана забальзамировали, прежде чем он был отправлен домой в Англию, а на месте в саду, где его сердце и прочее было похоронено, стоял камень с надписью: «Вечная память фельдмаршалу лорду Раглану, Рыцарю Большого Креста, главнокомандующему британской армии в Крыму, умершему 28 июня 1855 г.». В его изголовье был колодец и ивовое дерево. А вокруг пышным цветом цвели яблони и другие фруктовые деревья.

Леди Эстсуорт разрешила мне потратить любые деньги, необходимые для ремонта и приведения в порядок могилы мужа. Но я посчитал, что могила справлена хорошо и не требует никаких улучшений. Она располагалась в северной части большого сада. Я взял цветок или два оттуда, чтобы отправить домой леди Эстсуорт.

Из штаба я вернулся на Каткартов холм и отправился к захоронению возле местоположения заградительного отряда легкой кавалерии. Там я нашел могилы полковника Хэндкока² и майора Уэлсфорда³. Могила Хедли Викарса⁴ была рядом с ними с небольшой каменной плитой, надпись на которой была довольно разборчивой. Я также нашел могилу брата Джона МакГрегора⁵ (Роба Роя) и обнаружил, что он служил в 97-м полку, что напомнило мне о его смерти, которая настала во время атаки Редана, когда погибли Хэндкок и Уэлсфорд.

По возвращении в Одессу я встретился с нашим консулом Джорджем Х. Стивенсом и он подкинул мне неплохую идею насчет могил британских солдат в

¹ Джеймс Эстсуорт (1802–1855) – британский генерал-майор, участник Крымской войны. 21 февраля 1854 г. был назначен бригадным генералом и генерал-адъютантом экспедиционных сил в Крыму. Назначением на столь важный пост он был обязан своему другу лорду Раглану. В должности адъютанта-генерала он эффективно выполнял свои обязанности во время осады Галлиполи и Варны, а также в битвах на реке Альме и под Инкерманом. Назначен генерал-майором 12 декабря 1854 г. Умер 24 июня 1855 г., заболев холерой.

² Подполковник Генри Роберт Хэндкок (между 1802 и 1807 – 1855) – британский военный, командующий 97-м пехотным полком. Участник Крымской войны, погиб под Севастополем 8 сентября 1855 г.

³ Уэлсфорд Август Фредерик (1811–1855) – британский офицер, майор в составе 97-го пехотного полка. Участник Крымской войны. Погиб 8 сентября 1855 г. под Севастополем.

⁴ Хедли Викарс (1826–1855) – британский офицер и евангелист, погибший во время Крымской войны. В 1843 г. поступил на службу в 97-й пехотный полк, в армии увлекся чтением проповедей, был активным членом Общества дружелюбных солдат. 20 ноября 1854 г. прибыл в Крым и принял участие в осаде Севастополя. Погиб в ночь на 22 марта 1855 г. во время военной вылазки.

⁵ Джон МакГрегор (1825–1892) – шотландский исследователь, писатель, филантроп, основатель Британского королевского каноэ-клуба (1866 г.). Прозван Роб Роем по имени знаменитого предка – Роберта Роя Макгрегора (1671–1734), национального героя Шотландии, шотландского Робин Гуда.

Крым. Он сказал, что существует 89 кладбищ <222>, разбросанных по площади более 80 квадратных миль, что делает невозможным сконцентрировать все останки в одном месте. У него была идея выкупить штаб-квартиру и собрать там тела всех погибших. От него же я подробно узнал о Грэнвиле Мюррее¹, его предшественнике на этом посту в Одессе, – о том, как деньги были посланы нашим правительством на приведение могил в порядок и как Мюррей использовал их в своих целях. Грэнвиль Мюррей был очень умным человеком и талантливым писателем.

В Одессе я застал пароход, направляющийся в Галац. Поэтому я сел на другой, идущий вверх по Дунаю, проходящий через «Железные Ворота»², и в Базиаше³ пересел на поезд в Вену. Отсюда я прибыл по железной дороге на Рейн и через Кельн и Брюссель – в Лондон <223>.

Крымские древности⁴

В дополнение к местам и объектам, связанным с войной 1854–1855 гг. и осадой Севастополя, рисовать которые недавно представилась возможность нашему специальному корреспонденту, он подготовил иллюстрации с остатками византийских древностей в окрестностях Севастополя. Первой в поле зрения художника оказалась высеченная в скале церковь в Инкермане. Автор написал по поводу данного объекта следующее:

«Новый монастырь, построенный в Инкермане после Крымской войны, представляет собой красивое сооружение, которое расположено прямо под скалой, на вершине которой находятся древние руины. Поднимаясь к ним, я встретил двух монахов, которые поприветствовали меня именем Христа. Один из них провел меня по монастырю. Сперва мы прошли через дверь и поднялись вверх по лестнице, высеченной в скале, по сторонам которой располагались необычные усыпальницы или часовни. В одной из них была стеклянная дверь, сквозь которую было видно, что часовня заполнена костями; казалось, что пустые глазницы черепов уставились прямо на нас. В другой стоял гроб под черным бархатным покровом.

¹ Эстас Клэр Гренвиль Муррэй (1824 или 1825 – 1881) – британский дипломат и журналист, генеральный консул Великобритании в Одессе. Выпускник Оксфордского университета, с 14 июля 1851 г. – атташе британского посольства в Вене и одновременно венский корреспондент «Morning Post». С 19 октября 1852 г. – атташе в Константинополе, а с 1855 г. служил в должности генерального консула в Одессе до 1868 г., когда произошёл конфликт с британскими резидентами в Одессе. Бежал в Париж, принял имя графа Rethel d'Aragon и до самой смерти писал в английские газеты.

² Железные ворота – сужение в долине Дуная в месте сближения Карпат и Стара-Планины (речные ворота) на границе Сербии и Румынии ниже города Оршов.

³ Село в Румынии, где располагается одноимённый мужской монастырь.

⁴ Русский перевод выполнен по: The antiquities of the Crimea // The Illustrated London news. – 1869. – Vol. 55, № 1549. – P. 87–89.

Рис. 10. Панорама прибрежной части Севастополя у Карантинной бухты (часть акватории Севастопольской бухты к западу от южного входного мола). Фотография К. Колпакчи. Конец XIX в.

Главная церковь после недавнего ремонта была в неплохом состоянии. Во время войны в ней квартировались солдаты, задачей которых было вести огонь по всем, кто пойдет слишком далеко в Инкерманскую долину... Мой проводник показал мне ядро, которое залетело через дверь, и место, где оно застряло.

Мне было интересно узнать, к какому времени относились эти пещеры. Монах сказал мне, что они относятся к временам христианским и служили церквями или жилищами для монахов, или склепами – “grabnitza” – как он их называл. Церковь была освящена в честь святого Климента, сосланного в эти места во времена правления императора Траяна. Климент работал на каменоломнях, но его труд, вероятно, заключался в высечении скальных церквей, носящих его имя. Полагают, что сам святой мог быть похоронен в алтарной части этой церкви, которую я изобразил на моем рисунке. Конструкция этой церкви является типичной для большинства греческих христианских церквей и, возможно, большая часть пещер относится к одному с ней периоду, хотя некоторые из них могут иметь гораздо более древний возраст. Если сама церковь восходит ко времени правления Траяна, то маленькая часовня, расположенная слева от нее, имеет гораздо более древний вид. Поскольку наружная часть скалы перед этой церковью разрушена, был построен

новый фасад церкви с деревянным балконом. С этого балкона открывается невероятно красивый вид на долину реки Черной, Инкерманские высоты, или Сапун-гору, и устье большой Севастопольской бухты.

Это прекрасное место для жизни монахов. Я должен сказать, ко вниманию всех тех, кто хочет посетить Инкерман, что монахи здесь очень внимательны к посетителям. Моего проводника звали Федор. Он проявил невероятное терпение, пока я делал свои наброски, и делал все, что мог, чтобы все вокруг мне объяснить, хотя общение наше было ограничено и нам даже потребовалось использовать два или три языка, чтобы обменяться несколькими словами, понятными обоим. Он пригласил меня в свою келью, нагрел самовар и приготовил простое угощение, состоящее из чашки чая с сахаром и булки хлеба, проявляя невероятную легкость и заботу.

Церковь Святого Владимира среди руин древнего Херсона является следующим представленным объектом. Херсон – древний город, который предшествовал Севастополю. Я стоял на краю мыса, который образует южную сторону входа в так называемую Карантинную бухту. На одной стороне этого лимана французы устроили батарею, русские постройки были на другой. В центре возвышалась огромная насыпь из остатков старого города, на которой французы построили большую и важную батарею, назвав ее батареей Наполеона¹. До сих пор еще можно проследить древние стены города по их бесформенным возвышающимся массам. Наибольшую важность представляют развалины трех церквей. Одна из них, посвященная святому Владимиру, который обратил Россию в христианство, настолько почитаема, что ради сохранения нескольких камней ее фундамента был построен склеп. Древняя церковь была греческой формы, с апсидой, в которой еще стоит каменный алтарь с крестом на плите. Стены церкви сложены из грубых камней. Вероятно, стоит отметить, что апсида этой церкви, как и двух других в Херсоне, находится в северной части, а не на востоке, как обычно встречается в восточной и западной церквях.

Владимир пришел с войском в Херсон и потребовал крещения для себя и своего войска. Кроме того, он потребовал руку византийской принцессы. Добиваться своих требований ему пришлось с помощью длительной осады, которая не уступала по продолжительности и мощности недавней осаде Севастополя. Князь получил свое и вдобавок крестил большую часть Руси. В Херсоне после войны был отстроен монастырь святого Владимира.

Среди многочисленных скальных гробниц в Крыму пещеры в Инкермане в этом случае наиболее многочисленны и показательны. Скалистые склоны долин в окрестностях древнего Херсона изобилуют подобными выемками и схожи с памятниками в долине Кедрон и других местах возле Иерусалима. Известняк здесь мягкий и его довольно легко вырезать. Некоторые из этих гробниц до сих пор чистые и белые, в то время как другие используются как загоны для крупного рогатого скота и овец. Татары в некоторых случаях достраивают их спереди и устраивают в них жилища».

Список использованных источников и литературы

¹ Судя по картографическим материалам времён Крымской войны, батареей Наполеона называли батарею № 57, которая была построена в 1855 г. в северо-восточной части Херсонесского городища.

1. А. К. Орывки из воспоминаний: Крымская война: 1853–1856 гг. // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. – СПб.: Типография департамента уделов, 1872. – Вып. 3. – С. 138–161.
- А. К. Otryvki iz vospominanii: Krymskaya voyna: 1853–1856 gg. // Materialy dlya istorii Krymskoi voyny i oborony Sevastopolya: sbornik, izdavaemyi komitetom po ustroystvu Sevastopol'skogo muzeya / pod red. N. Dubrovina. – Sankt-Peterburg: Tipografiya departamenta udelov, 1872. – Vyp. 3. – S. 138–161.
2. Афанасьев Д. Севастополь и его окрестности в настоящее время // Современник. – 1857. – Т. 62. – № 1. – С. 134–146.
- Afanas'ev D. Sevastopol' i ego okrestnosti v nastoyashchee vremya // Sovremennik. – 1857. – T. 62. – № 1. – S. 134–146.
3. Барышников М. Н. Русское Общество Пароходства и Торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856–1864 гг.) // TERRA ECONOMICUS. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 106–130.
- Baryshnikov M. N. Russkoe Obshchestvo Parokhodstva i Torgovli: uchrezhdenie, funktsionirovanie, perspektivy razvitiya (1856–1864 gg.) // TERRA ECONOMICUS. – 2015. – T. 13. – № 2. – S. 106–130.
4. Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927. Исторический очерк с экскурсионным планом. – Севастополь: 2-я Гостипография «Крымполиграфтреста», 1927. – 54 с.
- Grinevich K. E. Sto let khersonesskikh raskopok. 1827–1927. Istoricheskii ocherk s ekskursionnym planom. – Sevastopol': 2-ya Gostipografiya «Krympoligraftresta», 1927. – 54 s.
5. Гриневич К. Э. Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу Таврическому: история, руины, музей. – Севастополь: 2-я Гостипография «Крымполиграфтреста», 1926. – 168 с.
- Grinevich K. E. Illyustrirovannyi putevoditel' po Khersonesu Tavricheskomu: istoriya, ruiny, muzei. – Sevastopol': 2-ya Gostipografiya «Krympoligraftresta», 1926. – 168 s.
6. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера: авантюрные приключения: заметки по литературно-историческому краеведению. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – 208 с.
- Deremedved' E. N. Krymskaya Riv'era: avantyurnye prikladyeniya: zametki po literaturno-istoricheskomu kraevedeniyu. – Simferopol': SONAT, 2008. – 208 s.
7. Деремедведь Е. Н. Крым: по следам забытых путешествий: заметки по литературно-историческому краеведению. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. – 184 с.
- Deremedved' E. N. Krym: po sledam zabytykh puteshestvii: zametki po literaturno-istoricheskomu kraevedeniyu. – Simferopol': Biznes-Inform, 2013. – 184 s.
8. Деремедведь Е. Н. Рецепция образа Крыма в путевых заметках английских путешественников конца XVIII – начала XX века // Вопросы литературы. – 2004. – № 10 (67). – С. 142–151.
- Deremedved' E. N. Retsepsiya obraza Kryma v putevykh zametkakh angliiskikh puteshestvenniks kontsa XVIII – nachala XX veka // Voprosy literatury. – 2004. – № 10 (67). – S. 142–151.
9. Дюбуа де Монпере Ф., де. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Т. 5, 6 / пер. с фр. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
- Dyubua de Monpere F., de. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziyu, Armeniyu i Krym: v 6 t. T. 5, 6 / per. s fr. – Simferopol': Biznes-Inform, 2009. – 328 s.
10. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. – СПб.: Полигон, 2002. – 566 с.
- Zaionchkovskii A. M. Vostochnaya voyna 1853–1856 gg. – Sankt-Peterburg: Poligon, 2002. – 566 s.
11. Жуков К. Заметки на пути на Южный берег Крыма. – СПб., 1865. – 84 с.
- Zhukov K. Zametki na puti na Yuzhnyi bereg Kryma. – Sankt-Peterburg, 1865. – 84 s.
12. Залесский Н. А. «Одесса» выходит в море: возникновение парового мореплавания на Черном море, 1827–1855 гг. – Л.: Судостроение, 1987. – 128 с.
- Zalesskii N. A. «Odessa» vykhodit v more: vzniknovenie parovogo moreplavaniya na Chernom more, 1827–1855 gg. – Leningrad: Sudostroenie, 1987. – 128 s.
13. Из записок севастопольца // Русский архив. – 1867. – № 12. – Стлб. 1579–1636.
- Iz zapisok sevastopol'tsa // Russkii arkhiv. – 1867. – № 12. – Stlb. 1579–1636.
14. Ищенко Н. А. Балаклава в годы Крымской войны глазами англичан // Пилигримы Крыма – осень '98: матер. III Крымской междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. П. Казарин. – Симферополь, 1999. – С. 75–85.

Ishchenko N. A. Balaklava v gody Krymskoi voyny glazami anglichan // Piligrimy Kryma – osen' 98: mat. III Krymskoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. V. P. Kazarin. – Simferopol', 1999. – S. 75–85.

15. Ищенко Н. А. Крымская война 1853–1856 годов: Очерки истории и культуры. – Симферополь: Крымский архив, 2002. – 126 с.

Ishchenko N. A. Krymskaya voyna 1853–1856 godov: ocherki istorii i kul'tury. – Simferopol': Krymskii arkhiv, 2002. – 126 s.

16. Ищенко Н. А. Симпсон по прозвищу «Крымский» // Вопросы русской литературы. – Симферополь, 2002. – Вып. 8(65). – С. 214–217.

Ishchenko N. A. Simpson po prozvishchu «Krymskii» // Voprosy russkoi literatury. – Simferopol', 2002. – Vyp. 8(65). – S. 214–217.

17. Ищенко Н. А. Штурм у входа в Балаклавский порт 14 ноября 1854 года: страницы Крымской войны и свидетельства очевидцев // Пилигримы Kryma – осень' 2000: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: мат. V Крымской Междунар. науч.-практ. конф. Крым, Симферополь, 7–8 октября 2000 г.: в 2 т. / под ред. В. П. Казарина. – Симферополь, 2001. – С. 155–165.

Ishchenko N. A. Shtorm u vkhoda v Balaklavskii port 14 noyabrya 1854 goda: stranitsy Krymskoi voyny i svidetel'stva ochevidtsev // Piligrimy Kryma – osen' 2000: puteshhestviya po Krymu, puteshhestvenniki o Kryme: mat. V Krymskoi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krym, Simferopol', 7-8 oktyabrya 2000 g.: v 2 t. / pod red. V. P. Kazarina. – Simferopol', 2001. – S. 155–165.

18. Куликов И. И., Кот В. П., Крестьянников В. В. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. – Севастополь: Арт-политика, 2008. – 496 с.

Kulikov I. I., Kot V. P., Krest'yannikov V. V. Istoriya Sevastopolya v litsakh: voennye i grazhdanskije rukovoditeli goroda i flotov. – Sevastopol': Art-politika, 2008. – 496 s.

19. Ливанов Ф. В. Севастополь: до Крымской войны и после оной: историческое описание. – М., 1874. – 127 с.

Livanov F. V. Sevastopol': do Krymskoi voyny i posle onoi: istoricheskoe opisanie. – Moskva, 1874. – 127 s.

20. Лукашевич К. В. Оборона Севастополя и его славные защитники. – М.: Изд-во Тов-ва И. Д. Сытина, 1904. – 289 с.

Lukashevich K. V. Oborona Sevastopolya i ego slavnije zashchitniki. – Moskva: Izdatel'stvo Tovarishchestva I. D. Sytina, 1904. – 289 s.

21. Макаревич М. В., Рыжонков Г. Н. Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004: в 2-х т. – Севастополь: Издательство «Мир», 2004. – Т. 1. – 264 с.

Makareev M. V., Ryzhonok G. N. Chernomorskii flot v biografiyakh komanduyushchikh. 1783–2004: v 2-kh t. – Sevastopol': Izdatel'stvo «Mir», 2004. – T. 1. – 264 s.

22. Милуков А. П. Нынешний Севастополь // Библиотека для чтения. – 1865. – № 2. – С. 115–141.

Milyukov A. P. Nyneshnii Sevastopol' // Biblioteka dlya chteniya. – 1865. – № 2. – S. 115–141.

23. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма: (последняя треть XVIII – начало XX века). – Киев, 1999. – 211 с. – (Серия: «Научно-справочные издания по истории Украины»; вып. 46).

Nepomnjashhij A. A. Zapiski puteshhestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma: (poslednjaja tret' XVIII – nachalo XX veka). – Kiev, 1999. – 211 s. – (Nauchno-spravochnye izdaniya po istorii Ukrainy; vyp. 46).

24. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII –початок XX століття): бібліографічне дослідження. – Симферополь: Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.

Nepomnjashhij A. A. Istorichne krimoznavstvo (kinec' XVIII –pochatok XX stolittja): bibliografichne doslidzhennja. – Simferopol': Biznes-inform, 2003. – 456 s.

25. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX в.). – Симферополь: Доля, 2001. – 814 с.

Nepomnjashhij A. A. Istoriya i jetnografija narodov Kryma: bibliogr. i arh. (konec XVIII – nach. XX v.). – Simferopol': Dolja, 2001. – 814 s.

26. Парский Д. П. Севастополь и памятники его обороны. – Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1902. – 322 с.

Parskii D. P. Sevastopol' i pamyatniki ego oborony. – Odessa: Tipo-litografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga, 1902. – 322 s.

27. Происхождение названия Малахова кургана в Севастополе // Морской сборник. – 1868. – Т. ХСV. – № 3., отд. II. – С. 60–63.
Proiskhozhdenie nazvaniya Malakhova kurgana v Sevastopole // Morskoi sbornik. – 1868. – Т. ХСV. – № 3., отд. II. – С. 60–63.
28. Скальковский А. А. Русское Общество пароходства и торговли, 1857–1869 г. – Одесса: Тип. П. Францова, 1870. – 20 с.
Skal'kovskii A. A. Russkoe Obshchestvo parokhodstva i trgovli, 1857–1869 g. – Odessa: Tipografiya P. Frantsova, 1870. – 20 s.
29. Скрицкий Н. В. Крымская война. 1853–1856 годы. – М.: Вече, 2006. – 416 с.
Skritskii N. V. Krymskaya voina. 1853–1856 gody. – M.: Veche, 2006. – 416 s.
30. Современные заметки // Отечественные записки. – СПб., 1868. – Вып. 176. – С. 334–346.
Sovremennye zametki // Otechestvennye zapiski. – SPb., 1868. – Vyp. 176. – S. 334–346.
31. Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму для путешественников. – М.: В типографии Л. Нитче, 1871. – 370 с.
Sosnogorova M. A. Putevoditel' po Krymu dlya puteshestvennikov. – Moskva: V tipografii L. Nitche, 1871. – 370 s.
32. Степанов Д. А. Учреждение Русского Общества Пароходства и Торговли (1856–1857 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 22 (237). История. – Вып. 46. – С. 30–38.
Stepanov D. A. Uchrezhdenie Russkogo Obshchestva Parokhodstva i Torgovli (1856–1857 gody) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 22 (237). Istoriya. – Vyp. 46. – S. 30–38.
33. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. – М.: АСТ, 2004. – Т. 1. – 702 с.
Tarle E. V. Krymskaya voina: v 2-kh t. – Moskva: AST, 2004. – T. 1. – 702 s.
34. Тимирязев В. А. Иностранцы о России // Исторический вестник. – СПб., 1904. – Т. 98. – С. 1098–1102.
Timiryazev V. A. Inostrantsy o Rossii // Istoricheskii vestnik. – Sankt-Peterburg, 1904. – T. 98. – S. 1098–1102.
35. Третьяков А. А. Балаклава: Страницы морской истории 1775–1855 гг. – Симферополь: СОНАТ, 2007. – 112 с.
Tret'yakov A. A. Balaklava: Stranitsy morskoi istorii 1775–1855 gg. – Simferopol': SONAT, 2007. – 112 s.
36. Тютчева А. Ф. Дневник (1853–1855 гг.) // Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: воспоминания / пер. Е. В. Горье; вступ. ст. и прим. С. В. Бахрушина; под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. – М., 1990. – С. 107–130.
Tyutcheva A. F. Dnevnik (1853–1855 gg.) // Tyutcheva A. F. Pri dvore dvukh imperatorov: vospominaniya / per. E. V. Gor'e; vstup. st. i prim. S. V. Bakhrushina; pod red. S. V. Bakhrushina i M. A. Tsyavlovskogo. – Moskva, 1990. – S. 107–130.
37. Филиппов М. М. Осажденный Севастополь: исторический роман. – М.: Воениздат, 1976. – 542 с.
Filippov M. M. Osazhdennyi Sevastopol': istoricheskii roman. – Moskva: Voenizdat, 1976. – 542 s.
38. Чверткин Е. И. Незабытый Севастополь. – Севастополь: Телескоп, 2008. – Ч. 2. – 352 с.
Chvertkin E. I. Nezabytyi Sevastopol'. – Sevastopol': Teleskop, 2008. – Ch. 2. – 352 s.
39. Шавшин В. Г. Балаклава: исторические очерки. – Севастополь: Телескоп, 2010. – 399 с.
Shavshin V. G. Balaklava: istoricheskie ocherki. – Sevastopol': Teleskop, 2010. – 399 s.
40. Шавшин В. Г. Бастиионы Севастополя. – Севастополь: Таврия-плюс, 2000. – 227 с.
Shavshin V. G. Bastiony Sevastopolya. – Sevastopol': Tavriya-plyus, 2000. – 227 s.
41. Archer M. Visions of India: the sketchbooks of William Simpson, 1859–1862. – Oxford: Phaidon, 1986. – 138 p.
42. Badem C. The Ottoman Crimean War (1853–1856). – Leiden: Brill, 2010. – 432 p.
43. Baumgart W. The Crimean War, 1853–1856. – London; New York: Arnold and Oxford University Press, 1999. – P. 25–26.
44. Figs O. The Crimean War: a History. – New York: Metropolitan Books, 2010. – 576 p.
45. Fletcher I. War in the Crimea: an Illustrated History. – Stroud: The History Press, 2008. – 288 p.

46. Goldfrank D. *Origins of the Crimean War*. – London; New York: Longman, 1994.
47. Grey T. *Journal of a visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece, etc.: in the suite of the prince and princess of Wales*. – London: Smith, Elder & co, 1869. – 203 p.
48. Gowing T. *A Soldier's Experience Or, A Voice From The Ranks: showing the Cost of War in Blood and Treasure: a Personal Narrative of the Crimean Campaign, from the Standpoint of the Ranks; the Indian Mutiny, and some of its Atrocities; the Afghan Campaigns of 1863*. – Nottingham: Forman, 1892. – 585 p.
49. Hargraves M. *Great British watercolors: from the Paul Mellon collection at the Yale Center for British Art*. – New Haven; London: Yale Univ. press, cop., 2007. – 223 p.
50. Harrington P. *Simpson's Crimean Sketchbooks // The War Correspondent*. – Vol. 19. – № 1. – P. 10–12.
51. Harris S. M. *British military intelligence in the Crimean War, 1854–1856*. – London: Routledge, 1999. – 182 p.
52. Huddie P. *The Crimean War and Irish Society*. – Liverpool: University Press, 2015. – P. 209–223.
53. Lambert A. D. *The Crimean War: British Grand Strategy against Russia, 1853–56*. – 2 ed. – Farnham: Ashgate, 2011. – 380 p.
54. Lalumia M. *Realism and Politics in Victorian Art of the Crimean War*. – Michigan: UMI Research Press, 1984. – 280 p.
55. Millar A. H. *Simpson William // Dictionary of National Biography / ed. by L. Stephens, S. Lee*. – London: Smith, Elder & Co, 1885–1900. – Vol. 52. – 1897. – P. 345–347.
56. Pennell E. *Lithography and lithographers: some chapters in the history of the art*. – New York: The Macmillan Company, 1915. – 319 p.
57. Ponting C. *The Crimean War: the truth behind the myth*. – London: Random House, 2004. – 379 p.
58. Royle T. *Crimea: The Great Crimean War, 1854–1856*. – New York: St. Martin's Press, 2000. – 564 p.
59. Seymour H. D. *Russia on the Black Sea and Sea of Azof: Being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces: 3 ed*. – London: John Murray, Albemarle street, 1855. – 366 p.
60. Simpson W. *The seat of the war in the East: [2 series]*. – London: Day & Son for Paul & Dominic Colnaghi & Co, 1855–1856. – [12] p.
61. Simpson W. *Diary of a journey to Abyssinia, 1868: with the expedition under Sir Robert Napier, K.C.S.I.: the diary and observations of William Simpson of the Illustrated London news / ed. by R. Pankhurst; Introd. by R. Pankhurst, P. Harrington and F. A. Sharf*. – Hollywood, CA, 2002. – 196 p.
62. Simpson W. *The Autobiography Of William Simpson, R. I. (Crimean Simpson) / ed. by G. Eyre-Todd*. – London: T. Fisher Unwin, 1903. – 426 p.
63. Sweetman J. *Crimean War*. – Oxford: Osprey, 2001. – 95 p.
64. *The antiquities of the Crimea // The Illustrated London news*. – 1869. – Vol. LV. – № 1549. – P. 87–89.
65. *The doyen of special was artists: Mr. William Simpson // The Illustrated Naval and Military Magazine*. – 1884. – Vol. 1. – P. 309–312.
66. *The Illustrated London News*. – 1869. – Vol. 54. – .

Prokhorova T. A. The Crimea revisited: the second view of Crimea by William Simpson (1869). Ancient places of Inkerman and Chersonesus

It was the height of the Crimean military campaign in 1854 when Scottish painter of battle-pieces William Simpson (1823–1899) had arrived to the Crimea, sent by publishing firm of Paul and Dominic Colnaghi, who were the owners of the oldest and most famous art galleries in London, and by lithographic firm of William Day («Day & Son»). Simpson had created 80 watercolors and sketches, which formed the basis of the lithographic album «The Seat of the war in the East», brought him worldwide fame. Simpson, who was called the “Crimean”, was destined to come back to the Crimean peninsula 15 years later, when he saw and memorialized “another” peaceful Crimea.

The second expedition of William Simpson to the Crimea took place in April 1869. He had been accompanying the Prince and Princess of Wales. By that time, he had already collaborated with the «Illustrated London News» and worked as a special artist for them. On the pages of this edition some of his 44 paintings had appeared, translated into lithographs with images of people, towns and landscapes of the Crimea. Under each of the drawings of the author made a comment, and left valuable notes on the objects he had seen. The

issues of "Illustrated London News" with works of Simpson came out from May 22 to July 24, 1869. Among them were pictures of Sevastopol.

In addition to the places and objects associated with the war in 1854–1855 and the siege of Sevastopol, William Simpson produced illustrations with the remnants of the ancient monuments of the history of these places. Artist saw the rock church in Inkerman, carved in the rock. Simpson described the new monastery built in Inkerman after the Crimean War as "a beautiful building, which is located directly under the rock with ancient ruins". The artist visited the cave; saw the chapel and the main church. In times of Simpson, the church was in good condition, despite the fact that during the war soldiers were quartered there. The church was consecrated in honor of St. Clement, who was driven to these places under the emperor Trajan. Simpson believed that saint Clement was buried under the altar of this church. The artist made sketch of this church. The reader could see in this picture a typical interior of the Christian church. Other parts – small chapel and ossuary, new facade and wooden balcony, which offers superb views of the river valley and Inkerman – could be learnt from the commentary to the drawing.

Another representation of the object was "The church of St. Vladimir on the ruins of the ancient Cherson". Visiting the south side of Quarantine Bay, Simpson saw the ruins of the ancient Cherson – a city that preceded Sevastopol. The author managed to visit the ancient city walls and the ruins of three churches, one of which, in his opinion, was dedicated to St. Vladimir. He saw survived foundation apse of this church, a stone altar with a cross on the stove, the floor of rough stones. In 1869 Simpson had seen a set of the new cathedral being built over the church of St. Vladimir, and the monastery revived after the war.

Drawings by William Simpson with images of holy places in Inkerman and Chersonesus have been published in the issue of July 24, 1869. It immediately attracted the attention of readers, who were able to see the Crimea again – the most ambitious theater of war in Europe in the XIX century. And although this time the artist made another accents in his works – instead of the battle scenes there were represented peaceful paintings, but there still could be traced echoes of the devastating war. The sketch of the church of Saint Vladimir became the final chord of Simpson's personal Crimean campaign, and the image of the holy place made the triumph of life.

Keywords: travel, Crimean war, antiquities, sacred places, Chersonesus, Inkerman, W. Simpson.

Список сокращений:

ИЛН – Иллюстрированные лондонские новости (Лондон)

СМИ – средства массовой информации